

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

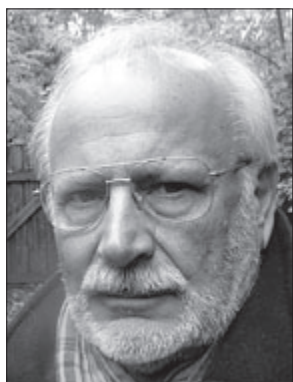
ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №19 ГАЗЕТА

Владимир Куницын / Оглянись, или Хрустальные провода

95
1927-2022

КУНИЦЫН Владимир Георгиевич

Родился в 1948 году в Тамбове. Окончил философский факультет МГУ, аспирантуру МГУ по кафедре эстетики — в 1975 году. Первая публикация — статья о творчестве Василия Макаровича Шукшина, опубликованная в альманахе «Алтай» в 1975 году. Работал консультантом в журнале «Литературная учёба» (1982–1986), обозревателем «Литературной газеты» (1986–1989), заместителем главного редактора журнала «Советская литература» (1990–1991), директором программы «Культура» информмагента «РАММА», заместителем директора «Утреннего телеканала» на ОРТ (с 2000). Вел авторские передачи на радио «Маяк» и Радио «Россия». Печатается как литературный критик с 1975 в еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия», в журналах: «Литературное Обозрение», «Литературная учёба» и др. Член президиума международного литфонда, редколлегии альманаха «Реалист». Председатель бюро критиков и литературоведов Московского отделения Союза писателей России (с 1995). Премия «Литературной газеты» (1988). Член Союза писателей России.

«Я тебя приглашаю в Карелию...»

IX Международный литературный фестиваль «Петроглиф-2022» состоялся в старинном карельском селе Вешкелица в последние дни июля. История этого литературного праздника начиналась в 2013 году, а инициатива его создания принадлежит талантливой семье Софиенко: прозаику Владимиру и поэтессе-переводчице Елене. Ежегодно праздники проходили разными карельскими маршрутами, неизменно привлекая жителей региона к участию в литературных встречах с писателями, поэтами, музыкантами, художниками и кинематографистами, съезжающими сюда со всей России, а также из дальнего и ближнего Зарубежья.

На этот раз нашу команду принимал этнокультурный центр «Вешкелюс», которым успешно руководит Ирина Погребовская. Творческие встречи начались с представления местных талантов: певцов, музыкантов, танцоров, этнографических коллективов и мастеров народного творчества, знатоков старинных карельских игр, традиций и ремёсел. Гости праздника, то есть мы, вступили в творческое соревнование. Поэты читали свои

стихи, барды пели песни, прозаики читали свои произведения и делились творческими планами. Серьёзным событием стала презентация совместного проекта АНО «Петроглиф», Ассоциации союзов писателей и издателей (АСПИ) и КРО «Содружество». На этот раз он был посвящён творчеству выдающегося

русского писателя и фольклориста Дмитрия Балашова (1927–2000). Прозаик Александр Евсюков подготовил серьёзный и увлекательный доклад «Балашов как исследователь фольклора и историк жанра русской баллады». В дискуссии участвовали не только литераторы, но и жители Карелии, на земле ко-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №19 /1912/ Основана в 1927 г.

Владимир Куницын

Оглянись, или Хрустальные провода

ДВЕ РУБАШКИ

Считается, если родился «в рубашке» — счастливчик. Но не все знают, о чём речь. И не чувят иронию.

Дело в том, что под «рубашкой» имеется в виду обволакивающая младенца, как непроницаемый пузырь, плёнка, не дающая ему дышать. И коли он всё же рождается живым, то, стало быть, несказанная удача привалила парню, если это и впрямь парень, как, например, я.

Моя мама, крайне стеснительная в личных подробностях, не так давно всё же проговорила, что рожала меня двое суток. Было ей тогда двадцать три года. Схватки шли, а роды не начинались. Мама из гордости не кричала, как другие, предпочитая давиться стонами. Канитель эта надоела акушерке, давно огрубевшей от повседневных чужих страданий, и она с досады выкатила маму в коридор. А поскольку прошло уже два дня с начала родов, мама почернела и даже стонать почти не стонала.

Вот тут-то, как пишут в романах, и пошла мимо опытная женщина-врач, вот тут-то она, в коридоре, и разглядела её почерневшее лицо и уже, пожалуй, отрешённость на этом лице.

Врачиха взметнула на акушерку кулак, освежила солдатским матом, прикатила маму в операционную, разрешила «рубашку», после чего мама родила меня практически сразу. Оказалось, к тому же, «рубашек» было — две! И мне, конечно же, само-му через них было не прорваться, как бы мама ни тужилась. Редчайший случай!

А ведь ни выкати «чёрствая» маму в коридор, и некому было бы рассказывать эту историю. И не родились бы у мамы следом за мной ещё два мужичка. Да, Боже ж мой, сколько не случилось бы всякого вовсе!

Но вышло так, как получилось — акушерка, одубевшая сердцем женщина, выкатила с глаз долой никак не рожаящую «дуру» прямо под нос фронтальному врачу.

Вот и задумывайся — а пить ли и за акушерку тоже, мучившую нас с мамой пару суток? И почему «рубашек» оказалось две? Зачем мне одному столько счастья?

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Мама, ты не помнишь этого дня, он для тебя был таким же, как и остальные, но в моей жизни это был первый день. Не знаю, сколько мне было в этот день, может быть, уже год, и я еще не умел говорить, но вдруг в какое-то мгновение пелена рассеялась, я увидел косой луч солнца слева от окна и свои руки, протянутые к тебе, и руки твои, поднимающие надо мною белую рубашку. Я не помню твоего лица, не помню слова, которые ты мне шепчешь, но я чувствую в эти мгновения такой восторг и ликование, такую полноту счастья, что, кажется мне, вся моя жизнь потом — спуск вниз с этой вершины.

Мама, ты обняла, прижала меня к себе, целуя мою голову. Может быть, ты догадалась? Но я помню, помню эти самые первые ощущения — как теплая твоя волна, смешавшись с солнечным светом, накрыла меня, как ласковый, нежный голос твой мягко принял мой восторг, и я растворился в твоей любви, а ты — в моей. Золотистый купол накрыл нас обоих, и мы замерли, прижавшись друг к другу, под его сводом.

Никогда потом я не был так счастлив! Так защищен, силен, так чист. Никогда больше не чувствовал такого бесконечного слияния с жизнью, ее успокаивающей сутью. Мама, спасибо тебе! В этот первый день моего прозрения ты встретила меня любовью. В этот чистый день твое дитя было ангелом. Задирая голову из сегодняшней ямы на ту вершину, я точно знаю, что это единственный день в моей жизни, к которому могу я припадать с легким сердцем.

Мама, мальчик! Не размыкайте объятий! Стойте под своим золотым куполом в солнечном луче! Смотрите, как весело искрятся пылинки. Над вами сошлась крестная сила любви. Не размыкайте объятий! Под этой защитой вы бессмертны...

ЗИМНЕЕ УТРО

С мамой связаны незабываемые воспоминания. Вот одно — из тамбовской еще жизни. Зима, зябко, темно. Мама собирает меня в школу, я во втором классе начальной № 4. Она на углу Советской и Коммунальной — три остановки на автобусе. Маме тоже в

школу, но дальше моей — в № 16. Там она преподает русский и литературу.

Выходим из дома на Интернациональную — как в гигантскую чернильницу: воздух густой от фиолетового цвета. Недвижен морозный туман, зло и оглушительно скрипит снег. Сворачиваем в Базарную — вдоль дороги слобные сугробы выше моей головы. Мама кричит: «Автобус!»

Бежим с капустным хрустом к Коммунальной. Там трясётся от холода лупоглазый, похожий на потерявшуюся собаку желтый автобус. Ждет нас, едва расцепив двери, смотрит маленькими окошками, тускло поблескивают обледеневшие стекла, за которыми угадываются в сонно слипшемся частоколе сумрачных теней люди. Мама хватается за меня и вминает в черные спины, цепляется руками за полураскрытую дверную гармошку. Я чувствую ее горячее дыхание в мое ухо, ноги ее сейчас — я живо представляю это — скользят по нижней ступеньке, каблуки над дорогой: двери не сходятся. Народ, согрешивший в общем комке, орет шоферу: «Давай! Жми, ярой!»

Автобус трогается, я чувствую спиной все могучее напряжение мамы, впереди царапает щеку вонючим ворсом чья-то шинель. В автобусе изысканный коктейль из запаха вчерашней водки, чеснока, махорки, колбасы и пота.

Но толчок — все вдруг вокруг меняется! Я на мгновение осязаю пустоту за своей спиной — там, где только что бурлило физическое сверхусилие мамы. Мелькнуло фиолетовое, по краям пожелтевшее небо, мелькнули только что близкие спины — мама резко выпала из дверей спиной назад, упала навзничь, успев притянуть меня к груди, защищая собой от удара.

Мы падаем прямо в шапку придорожного сугроба, поднимая вихрь снега. Снег свежо окатывает нас своей алмазной пылью, я кричу в ужасе: «Мама!» Пытаюсь спиной понять: как она? И в ответ слышу ее молодой смех: она хохочет, не может остановиться, горячо прижимая меня к себе. И ей всего тридцать лет, всего тридцать... А будет еще девяносто.

НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ

Когда родился брат Миша, я не сразу сообразил, что перестал быть главным.

В день, когда его, ещё безымянного, привезли из роддома, положили на диван, и все, включая соседей, столпились вокруг — я, прижавшись к стене, одиноко смотрел на пританцовывающие у дивана ноги и пытался осознать — а кто теперь я?! И ждал, ждал, когда же обернется мама?..

Через три года появился ещё один младший брат, Иван. И я вновь стал главным, но как старший. Не как единственный...

ТАМБОВ

Уже через неделю после рождения меня пытались сожрать тамбовские клопы. И не успели!

Родители вернулись из гостей раньше, насекомым попросту не хватило времени оставить на простыне одну шкурку. Между прочим, я был крупным экземпляром, потянувшим при первом взвешивании на целых четыре с половиной килограмма. Про рост молчу, у этих *Cimex lectularius* интерес вызывал, конечно, мой вес, дабы вычесть из него до последней капли свеженькую грудничковую кровь!

Суровыми были клопы в голодную послевоенную пору! Не их вина — в том смысл их сущности.

По словам мамы, её насторожили моя возня и громкое протестное кряхтение. Отец зажёл лампу, мама раскрыла пелёнки, и, как с возмущением вспоминает до сей поры — я был так дружно обсижен клопами, что скрылся под ними целиком!

Второе потрясение острого момента, по словам мамы — звук падавших кровососов. Раздувшиеся твари, разбегаясь, тяжело и как-то сыро шмякались на пол, словно пьяные мужики в бане.

А ведь запомнил я этот случай в недельном от рождения возрасте! Уточняю специально для коллективной научной мысли, которая в корне отрицает столь раннее пробуждение сознания. Но поди, поспорь с очевидным фактом!

Воспоминание, конечно, было смутненьким, не слишком отчётливым, но оно было. И даже беспокоило десятилетия, пока мама не изложила подробности клопиного, говоря изысканно, форсинга. Это воспоминание, соединенное теперь с рассказом мамы, и состояло-то из нескольких секунд вдруг открывшегося перед глазами света! Похожего, между прочим, на бледное облако, внутри которого всё завораживающе клубилось. Облака тревожного, как бывает тревожно колыхание на ветру недовысохшей наволочки, раскинувшей богатырские плечи от одной деревянной прищепки до другой, на верёвке посреди двора.

Пожалуй, надо сообщить, по какой причине я оказался в хищных лапах именно тамбовских вампиров.

В мае 1948 года моего будущего папу комиссовали в возрасте двадцати шести лет из армии как «фронтowego» инвалида. К тому времени он находился с моей мамёнкой в посёлке Капустин Яр, Астраханской области в должности начальника

штаба 59-го отдельного инженерно-саперного батальона. А этот факт сообщает, что папа успел поучаствовать в создании самого первого в СССР полигона, с которого в 1947-м стартовала дебютная советская баллистическая ракета! Затем, в 1962-м, полигон станет ещё и космодромом. Выходит, полгода маминой беременности я тоже провёл в Купустином Яру, возможно, сопровождая первые старты мощных сверхракет нервными тычками пяток в мамин «глобус».

До моего рождения в августе 48-го оставалось три месяца, а куда деваться из Капустина Яра, родители не знали. Отец списался с фронтовыми друзьями, и нас, почти уже троих, пригласили одновременно в Питер, Подмоскovie и Тамбов. И только в Тамбове предполагалась для проживания отдельная комната. Отеческий выбор пал на Тамбов, в нём после войны осел с семьёй Николай Федорович Шавлов, близкий фронтовой товарищ папы.

Обосновался он в небольшом деревянном доме, с печкой как раз в нашей будущей комнате. А за печкой у Шавловых уютненько топталась тёлочка, целыми днями смачно хрумкая чудесной душистой травкой. И вот появился тут я, и мы наперегонки с тёлочкой принялись расти. Она, дабы стать благородной коровой и затем отдавать людям молоко, а я вычмокивал молоко из мамы, чтобы сначала стать мальчиком, а потом мужчиной.

В этом месте маминого повествования я отчётливо представил себе, как к моей постели, когда я оставался в комнате один, подбиралась тёлочка и, влекомая пробуждающимся материнским инстинктом, вылизывала мою голову горячим шершавым языком. И наверняка именно поэтому у меня, единственного в семье, были совсем тонюсенькие, невесомо-нежные волосы.

Когда мама поведала, что я мог стать жертвой клопов, но не стал — благодаря тому, что родители вернулись в свою комнату от Шавловых раньше, чем собирались, я вскричал: «Этот свет я помню! Я помню этот свет!»

И теперь только догадался, что это были за одуванчики в моём первом в жизни видении, соприкоснувшиеся своими дымчатыми шарами на фоне беспокойного облака-наволочки. Это были склонившиеся надо мной головы моего отца и моей матери.

Ещё подумал, что, возможно, этой же ночью в желудках *Cimex lectularius* моя кровь соединилась с кровью семейства Шавловых, и в каком-то неформальном смысле мы стали родными.

Затем моя фантазия взяла выше, я представил весь город Тамбов, кишаций бандами насекомых, перебегающих по тёмным дворам от дома к дому, чтобы попробовать человеческой кровушки здесь и там, перемешивая разные гены и ДНК в своих «мо-

бильных лабораториях», возможно с отчаянной надеждой вывести породу людей, которые перестанут травить клопов ядовитым «дустом» хотя бы в отдельно взятом Тамбове.

Через год-полтора отцу, как редактору местной молодёжной газеты, выделили собственную жилплощадь — в шесть квадратных метров, но с высоким потолком и персональным красивым окном, выходящим на городской базар. На первом этаже.

В этом двухэтажном доме когда-то, до революции, жил богатый купец Аносов. А теперь тут, на улице Красной, стал жить я, мои родители и ещё фамилий десять, поскольку просторный купеческий дом с роскошным залом в семь окон по фасаду, задолго до войны превратили не только в огромную коммуналку, раздербанив на клетушки, но и — опять же! — в клоповник. Здесь я и продолжил «сдавать» кровь в клопный городской общак, попутно заводя невольно всё новые кровные узы с доставшимися мне по воле судьбы земляками.

Между прочим, говорят, что постельные клопы упоминаются в древнегреческих источниках с четвёртого века до нашей эры. О них рассуждал великий философ Аристотель, а Плиний уверял, что клопов можно использовать при нейтрализации змеиных укусов. Да что там! В XVIII веке Жан-Этьен Гэтар, одно время бывший личным врачом Людовика де Бурбона, герцога Орлеанского, на полном серьёзе рекомендовал использовать клопов для лечения истерии. В XVI веке завоеватели Нового Света завезли клопов в Америку, а в шестидесятые годы XIX века, с приходом в Туркестан русских войск, постельный клоп по-хозяйски обосновался и в Средней Азии.

Так что роль клопа во всемирной истории пока ещё ждёт своих исследователей, и, возможно, мой опыт общения с ними будет учтён пытливым мыслью серьёзной науки.

Возвращаясь к своей истории, подчеркну — не было во всём Тамбове роднее мне людей, чем семья Шавловых, в первые же дни моего появления на свет ставших моими «кровниками». Слово это различается у русских и кавказцев. У нас оно значит — родственник, брат.

Важно сказать, что, когда отец и мама приехали в Тамбов, у Шавловых уже имелся первенец, сын Володя, с рождения разбитый церебральным параличом. Володя был старше меня на год, и всю жизнь свою (до сорока с лишним лет) он прожил фактически на руках несчастных родителей — и в инвалидной коляске.

Его мама — все звали её Шурочкой — познакомилась с Шавловым и моим отцом на фронте. Она, миниатюрная, как статуэтка балерины, была отважным санинструктором и вытащила из-под пуль и снарядов не одного только своего подраненного Николая

Шавлова, а очень много молодых парней и мужиков, гораздо тяжелее и больше себя. У неё и боевых наград было погуще, чем у Николая Федоровича!

И вот она родила мальчика с жестоким недугом. Почему же судьба не поспешила для неё и на это испытание?! В чём был тут замысел у этой судьбы?!

Такими неразрешимыми вопросами я задавался всякий раз, когда видел Вову Шавлова в коляске, с выкрученными в стороны суставами рук и ног, с падающей головой и судорожной попыткой хотя бы в мычании что-то мне сказать. И всякий раз я поражался весёлой радости, с какой он смотрел в мои глаза! Будто меня и ждал все дни и годы, что мы не виделись. И я каждый раз с замиранием сердца подзревал, что там, внутри себя — он всё понимает, а душою ясен и здоров!

Одно из самых сокровенных воспоминаний детства — поездки в гости к Шавловым и те незабываемые мгновения, когда бросались ко мне навстречу бабушка и Шурочка, вперегонки, мимо моих родителей, как к самому драгоценному гостю, горячо загребая в многорукое объятие.

Помню их глаза того же цвета, что выцветшее небо, совсем близко. Они загораживали всё и отгораживали от чего-то. Я ощущал это своим детским сердцем, потому что в глазах их была такая любовь, словно и не они на меня тогда смотрели, а через них смотрел Господь.

Что скажешь сейчас, когда их давным-давно нет на свете, а я всё помню и помню выражение их глаз? Кто поверит, что необычайное чувство их к чужому ребёнку — спасало меня не раз в тяжкие времена жизни, что я хватался за них, бабушку и Шурочку, как за соломинку, и эта невесомая в материальном, грубом мире сила — чудом удерживала мою голову «над водой»? Не давала захлебнуться.

Разве не великие человеки — эти женщины? Легко ли им было видеть исковерканное собственное дитя рядом со мной? И ни разу никому не дать почувствовать неловкость от неизбежного сравнения: ни самому Вове, ни моим родителям, ни мне. Ни единым облачком не омрачив наших свиданий!

Вот и думай, для чего судьба расставляет горькие чаши на пути людей, которым и так хватает испытаний? Взять ту же Шурочку: сколько она хлебнула горяшка на фронте, вырывая из крови и грязи чужие жизни? А бабушка Шавловых? В возрасте тёти Шуры ей довелось пережить уничтожение Антоновского восстания на Тамбовщине в 1920–1921 годах. Что за восстание было такое, кто теперь знает, кроме историков? Кто вспоминает о нём? А между тем, «восстание Антонова», по моему разумению, одно из ключевых событий XX века в России! Именно тогда, на Тамбовщине, советская власть в открытую ополчилась на русское крестьянство с очевидным энтузи-

азмом. На русского легковверного мужика, окончательно совершив «исторический» выбор в пользу пролетариата, фактически — вполне сознательно! — принося крестьянина в жертву идеологическим химерам интернационального коммунизма и «мировой» победы рабочего класса над капитализмом.

Так Ленин «отблагодарил» деревню за то, что она поверила в его обещания «земли» после победы в Октябре 1917 года. Поверила, шагнула в революцию огромной крестьянской силушкой, уцелевшей в Первой мировой, прихватив с фронта ещё и винтовочку (80% населения России в начале XX века — крестьяне) — фактически отдав коммунистам во главе с Лениным ими, мужиками, взятую власть в семнадцатом, и в Гражданскую!

Говоря попросту, Ленин, как известно, обладавший дьявольским политическим чутьём, вовремя перехватил у партии эсеров «Крестьянский наказ о земле» 1917 года, записанный эсерами буквально со слов самих крестьян, наобещал мужикам всё, о чём те грезили бесконечными «зимними ночами», взял с их подмогой власть и вначале выдернул из рядов «победителей» — эсеров, поздно осознавших его политический кульбит, а потом навалился и на землепашцев, буквально задушив их грабительской продразверсткой, начисто опустошая крестьянские амбары для нужд революции, армии, промышленных рабочих — обрекая мужика, «косного и отсталого», на голодную смерть вместе с детьми и стариками!

Видимо, не случайно один из главных руководителей восстания, начальник милиции в Кирсанове, Александр Антонов, как раз и был эсером. Не случайно и столь массовое восстание именно в Тамбовской губернии, сплошь крестьянской, когда-то зажиточной: чего стоит факт, что слой чернозёма, как говорят, уходил здесь в глубину до четырёх метров, едва ли не самый высокий показатель плодородности почвы в мире!

И то правда! Вряд ли где ещё сыщешь столь нежнейшую из всех земель землю, как на Тамбовщине!

Эта пышная, животворящая земля покрывалась каждое лето шелковым, толстым слоем легкой пыли, ходить босиком по ней было настоящим блаженством всего моего детства! А как пахла эта самая пыль после дождя! Да что там — её можно было продавать прямо в Париж, в магазины на Елисейских полях, как лучшую в мире пудру! И во что оброчивались после дождя тамбовские дороги! Они превращались в непролазные топи грязи, в которых мог увязнуть не то что трёхосевой лендлизный американец «Студебеккер», а даже воронежский могучий конь-тяжеловоз с мохнатыми ногами, которого мужики величали битюгом.

В 1920 году на эти великолепные чернозёмы налетела невиданная засуха и погубила почти весь уро-

жай, не только зерновых! Собрали мужики Тамбовской губернии всего 12 млн. пудов. Но большевики не снизили продразверстку из-за засухи, и потребовали сдать 11,5 млн. И огромная губерния, по производительности находящаяся в России (из 80 губерний) — на пятом месте, насчитывающая около четырёх миллионов человек, в большинстве своём сельских тружеников — взбунтовалась против государственного насилия и открытого грабежа.

Массовое восстание вспыхнуло, как считают историки, 15 августа 1920 года, а уже в октябре Ленин требует от Дзержинского «ускорить подавление антоновщины».

Под началом Антонова ещё в 1918 году начинается организованное сопротивление большевистскому насилию в деревнях. К началу основных событий в 1921 году у него уже более 50 тысяч «обиженных штыков». А большевистская власть к этому времени как раз заканчивает победные бои на фронтах Гражданской, её армия сформирована, закалена в схватках с врагами всех мастей, от Антанты и Колчака до Чехословацкого корпуса, и вскоре обрушивается на восставшее крестьянство Тамбовщины со всей мощью яростной и сокрушительной силы!

Чтобы понять, с какой серьёзностью взялись большевики за дело, перечислим только наиболее заметные фигуры, участвовавшие в крестьянском разгроме. Итак, уже упомянутый Ф. Дзержинский, а также В. Подбельский, В. Антонов—Овсенко, И. Уборевич, М. Тухачевский, Г. Котовский, Г. Ягода, В. Ульрих... Между прочим, тот самый Антонов—Овсенко, что арестовывал в 1917 году в Зимнем дворце членов Временного правительства. Во время «Антоновского восстания» — Антонов—Овсенко председатель Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии.

Какая ирония истории!

...**В. Антонов—Овсенко** — 8 февраля 1938 года приговорён ВКВС СССР к расстрелу «за принадлежность к троцкистской террористической и шпионской организации». Расстрелян 10 февраля 1938 года, похоронен на полигоне «Коммунарка».

В. Подбельский. По официальной версии, в конце января 1920 года, во время субботника, напоролся ногой на старый гвоздь, вследствие чего произошло заражение крови. По неофициальной, стал жертвой контрреволюционного покушения. Умер 25 февраля 1920 года; похоронен в Братской могиле на Красной площади в Москве. Старший брат Вадима Подбельского, Юрий, член партии эсеров, расстрелян 15 января 1938 года.

М. Тухачевский. Военачальник РККА времён Гражданской войны, Маршал Советского Союза (1935). Расстрелян в 1937 году по «делу антисоветской троцкистской военной организации».

И. Уборевич — в апреле-мае 1921 года — заместитель командующего Тухачевского при подавлении крестьянского восстания на Тамбовщине, затем командующий войсками Минской губернии при подавлении крестьянских выступлений в Белоруссии. Расстрелян 12 июня 1937-го «по делу Тухачевского».

Г. Ягода — расстрелян 15 марта 1938 года на спецобъекте «Коммунарка» (бывшей собственной даче). Следователь Н. М. Лернер сообщал, что, по словам М. Литвина, Ягоду заставили наблюдать за расстрелом остальных осуждённых и казнили последним. Перед казнью Ягоду по указанию Ежова избил начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР Израиль Дагин (об этом сообщил сам Дагин после ареста).

Г. Котовский — был застрелен 6 августа 1925 года во время отдыха на своей даче в посёлке Чабанка (на Черноморском побережье в 30 км от Одессы) Мейером Зайдером по кличке Майорчик, бывшим в 1919 году адъютантом Мишки Япончика. По другой версии, Зайдер не имел отношения к военной службе и не был адъютантом «криминального авторитета» Одессы, а был бывшим владельцем одесского публичного дома, где в 1918 году Котовский скрывался от полиции. Документы по делу об убийстве Котовского были засекречены.

В. Ульрих. С 1921 года — председатель Военной коллегии Верховного Суда РСФСР. Был председателем на крупнейших политических процессах. В том числе по делу Тухачевского. В 1930—1940-е годы входил в состав секретной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам. Комиссия утверждала все приговоры о смертной казни в СССР. Лично расстреливал приговорённых. По некоторым сведениям, собственноручно расстрелял наркома юстиции Николая Крыленко. Умер в 1951-м от инсульта. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Но вернёмся к тому, как разворачивалась судьба Антоновского восстания на завершающей стадии. Приведу малую, однако существенную часть исторических документов по взбунтовавшейся Тамбовщине:

«Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей

№ 171, г. Тамбов 11 июня 1921 г.

Уполиткомиссиям 1, 2, 3, 4, 5.

Начиная с 1 июня решительная борьба с бандитизмом даёт быстрое успокоение края. Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду. Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке. Дабы окончательно искоренить эсэро-бандитские кор-

ни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся называть своё имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае не сдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество её конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко.

Командующий войсками Тухачевский.

Председатель губисполкома Лавров.

Секретарь Васильев. Прочсть на сельских сходах.

ГАТО. Ф. Р.-4049. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.»

На следующий день, 12 июня 1921 года, Тухачевский подписал приказ № 0116 о применении против повстанцев химического оружия:

«ПРИКАЗ Командующего войсками Тамбовской губернии № 0116/оперативно-секретный г. Тамбов. 12 июня 1921 г.

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей. Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нём пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский. Начальник штаба войск Генштаба Какурин.

Российский государственный военный архив Ф.34228. Оп. 1. Д.292. Л.5...»

...Что же произошло на четвёртый год большевистского правления? И, прежде всего — между крестьянством и победившей Советской властью?

Впервые против исконного, как теперь говорят — «глубинного народа» была употреблена в России система концентрационных лагерей. Впервые было пущено в ход не на фронте, а против населения — химическое боевое оружие. Массово и беспощадно введён институт заложников. Впервые применены массовые расстрелы без суда «за недоносительство». Впервые заложниками стали дети, включая грудных. По документальным свидетельствам, после разгрома «антоновщины» в лагерях оставалось почти полтысячи детей-заложников, о которых власти, похоже, в пылу драки, забыли.

Я привёл тут сведения и о палачах, их суровой, роковой участи совсем не для того, чтобы позлорадствовать над ними, так жестоко расплескавшими мужицкую кровь по родной для меня Тамбовщине! Сухие факты говорят об общем трагизме времени, перемешавшем в кровавом кошмаре тысячи жизней и судеб людей, подчас не имеющих ни малейшего шанса избежать своей доли по обе стороны фронта.

Да что там — в какую точку российской карты ни нажми пальцем, из-под пальца брызнет пролитая тут русская и не русская человеческая кровь!

Что мы вообще знали, тамбовские пацаны, тогда, в начале 50-х годов, обмирая от восторга на фильме «Котовский» с Николаем Мордвиновым в главной роли? Ничего мы не знали о том, как он, Котовский, рубил наградной шашкой «в капусту» наших земляков только за то, что они возмутились против голодной смерти своих детей и стариков! И были враз переkreщены из вчерашних крестьян, основной «пехоты революции» — в «бандитов». Эта практика — голословного шельмования противника опасным, страшным клеймом, резко меняющим в глазах толпы социальный статус гонимого — успешно используется повсеместно и сегодня. Слово бы вручается мандат на открытое насилие без моральной ответственности перед жертвами.

Мы, в подражание лихому комдиву, обривали свои глупые головы наголо под него, «под Котовского!» Восхищались его весёлой дерзостью, ничего не ведая о том, какой бурной криминальной жизнью он отметился до революции и как легко вписался в «красную» эпоху, успев стать за восемь лет одной из самых знаменитых советских «икон!» К слову сказать, фильм о Котовском подгадали снять, как подозреваю — к 20-летию юбилею Тамбовского восстания. И бабушка Шавловых была к этому времени совсем ещё даже не старушкой, а вполне себе крепкой женщиной, легко поднимающей на плечо коромысло с полными вёдрами колодезной водички.

Два слова о характере тамбовчан, проявившемся в период «антоновщины».

Несмотря на угрозу уничтожения арестованных заложников (включая детей) за «преступное недоносительство», находились целые деревни, не выдавшие ни одного человека. И известны случаи полного уничтожения таких деревень огнём «красной» артиллерии. Свирепость расправы над восставшим крестьянством Тамбовщины поражает и травмирует воображение! И вот огромное мне видится поле, по которому бредут сквозь горестный туман миллионы бывших людей. И жертвы касаются своих палачей, а палачи своих жертв плечами, и целые семьи, династии, знаменитые и простые рода, и даже поколения людей, уничтоженных друг другом в смуте и помешательстве гражданской ненависти, бредут сквозь этот вечный туман — вместе! Нет безысходнее вражды, в которой народ уничтожает сам себя. Нет больнее боли, как невинные ни в чём сироты, дети «врагов» и «победителей».

Бабушка Шавловых знала многое, о чём глаголет история Антоновского восстания. А я не могу до сих пор разгадать загадку, которую они с фронтовой медсестрой тётей Шурой оставили мне — незабвенный цвет их глаз, прозрачных и небесных, как выцветшая на солнце голубая косынка, и любовь, любовь, как-им-то чудом выжившая в них, сполна познавших, что страшнее самого ужаса!

Где-то тут, в этой тайне великих женщин Шавловых — а имя им миллион! — и есть моя родина, которую люблю самой сердцевиной сердца! Она, родина моя, в этих стариках и старухах, прошедших через земной ад, а глядящих на тебя детскими глазами. Трогающих тёплой рукой и сующих в карманы яблоко или горсть семечек. В детях, бегающих по тем же тропинкам, что и я, в милосердии тишины поля и леса и реки на рассвете, словно всё это вместе молит Создателя о надежде. Всего лишь о надежде для детей Его, уже пришедших в этот мир.

С детства дразнило любопытство почему город назвали Тамбов. Одни уверяли, что какой-то водился тут разбойник по имени Бов. Другие, что город поначалу возвели на берегу реки Тамбов, но перенесли в иное место, а название оставили.

В любом случае хорошо, что старинное имя его (есть гипотеза, что происхождение гидронима *Тамбов* — дорусское) не исчезло с карты в 1936 году.

Тогда, в 36-м, к трёхсотлетию юбилею города, многие парторганизации вышли на Горком ВКП(б) с ходатайством о переименовании Тамбова в Тухачевск. Надо полагать, в благодарность Тухачевскому за разгром Антоновского восстания.

Но бывают случаи, когда не знаешь, что и сказать! Дело в том, что к этому самому времени обострилась схватка между единомышленниками мар-

шала Ворошилова и окружением маршала Тухачевского. Имя «победителя» в этой не военной операции истории хорошо известно. Ровно через год маршала Тухачевского расстреляли.

А Тамбов остался Тамбовом, как ему и было на роду написано с 1636 года.

СОЛИПСИЗМ

Был у меня в раннем детстве короткий, но яркий эпизод философского помрачения ума. Настолько яркий, что запомнилось само начало помрачения, во всех сопровождающих его деталях.

Итак, наш палисадник, лето, жара, я стою за старой грушей, ствол которой похож на живую ногу слона — помню это, потому что накануне, в шапито на базарной площади, впервые разглядывал слона, пока он поднимал над красной тумбой свою ногу, кося доброжелательным красивым глазом на дрессировщика. Груша наша у дома такая же шершавая, морщинистая и теплая.

А вот выпрыгивает из парадного, как маленькая обезьянка Чи-чи, моя соседка и ровесница Валька. Я вижу её из-за груши, а она меня нет. Валька вертит головой во все стороны, как воробей, но вертит без толку. То есть, меня не видит, а я тут один и есть. В тот момент я и подумал: «А что, если я не буду на неё смотреть, и она, значит, тоже меня не увидит?!» Вдгон помчалась следующая мысль: «Да если так оно и есть, то я ведь могу быть невидимкой! Да я тогда сам буду решать, кто меня видит, а кто нет!»

Что тут добавить? Возможно, я испытал то же, что и Ньютон, когда получил яблоком по голове, или же Менделеев, подскочивший во сне от представшей его взору готовенькой таблицы химических элементов. А в чём, извините, разница? Восторги познания у всякого похожи, по крайней мере, по началу.

Мне же оставалось лишь закрепить личное открытие опытным путём, то есть, не глядя на Вальку, выйти из-за груши и убедиться, что я невидимка.

Я вжал шею в плечи и вышел... В тот самый момент, когда в палисадник влетел будущий проректор тамбовского пединститута Вова Окатов и крикнул своей «под Котовского» обритой головой — «Я с вами, ребя!»

Несколько позднее, учась на философском факультете МГУ, я понял, что в пять лет был солипсистом.

Кто знает, не захватил ли тогда, в детстве, неокрепший мой разум француз Клод Брюне? Этот чулак из XVII века был единственным, кто отстаивал солипсизм в его абсолютном выражении. То есть —

всё существует только в МОЁМ сознании, а я сам — единственная реальность. Стало быть, если нет меня, то нет ничего! И есть лишь то, что порождает МОЁ сознание. Но как смог этот Клод проникнуть ко мне в разум? И на целых двадцать секунд превратить в субъективного идеалиста наиболее тяжелой, радикальной формы? Ведь потом в мировой философии все лишь бежали от солипсизма Брюне. Те же Дж. Беркли, Мах, Шуппе. Бежали в идеализм, но объективный, подгребая опыт самого Платона, или субъективный, но облагороженный, как у Декарта, с его: «Мыслю, следовательно существую!»...

Ленин тоже не остался равнодушен к солипсизму. Обнаружив его в неприятном эмпириокритицизме, Ильич вначале поглумился над Махом и Авенариусом, а затем грубо, по-пролетарски разнёс голову идеализму вообще — и субъективному, и объективному, включая побочные извращения.

Вот я и подумал — а что бы со мной могло случиться в дальнейшей жизни, если бы с пяти лет я так и остался ортодоксальным, в духе француза Клода Брюне — солипсистом?

Как хорошо, что удалось мне тогда, прямо под нашей дворовой грушей — вытряхнуть из своего сознания вредную головоломку чуждого мышления...

ПОД СТОЛОМ

— И какая скорость у медведя? — интересуется Сенечкин. Из папиных послевоенных друзей он самый маленький ростом, зато жена у него жутко красивая! Глаза всегда смеются, а губы красные, как кумач.

Я прячусь под столом, накрытым праздничной скатертью почти до самого пола. Наверху папа и гости дегустируют «вырви глаз». Давно мне хочется прояснить, отчего всегда так веселятся гости, собираясь у нас? Уши мои торчат под столом, как у гребнепалого тушканчика.

— От медведя в тайге никому не удрять! — с гордым вызовом заявляет папа. — Наш сибирский мишак шпарит по пересечённой со скоростью шестьдесят кэмэ в час, а по деревьям карабкается ловчее любой шимпанзе! — Все тут же бурно чокаются за нечеловеческие способности косолапого.

Папе и гостям немного больше тридцати, семь лет прошло, как отвоевали с фрицами, каждый был не раз ранен, но в них кипит радость, я это осезаю через стол, не понимая причины самого кипения.

— Росточком Хозяин бывает — внимание! — до трёх метров! — продолжает самтью шестьдесят кэмэ в час изумлять гостей папа. — А весит, как полторака, и одним ударом ломает кабана, и — прошу особого внимания! — взрослого сохатого... пополам!